

Хань Сю впервые столкнулся с этим миром и не знал, насколько затягивающим может быть погружение в духовную энергию. Он настолько увлекся, что совершенно забыл о времени. К счастью, он заранее покрыл свое тело духовной энергией, маскируясь под обычного слабого юношу.

Несмотря на это, когда он наконец завершил преобразование столетней духовной энергии Цзю-эр и очнулся, прошло уже три дня.

Поскольку он пропустил запланированное время, Хань Сю решил хитростью изменить планы.

Цзю-эр, беспокоясь о Цяньцян, заранее оставил на Линь Цяньжоу свою метку. Хань Сю отправил ей небольшой ментальный импульс.

Этот импульс не причинял вреда, но заставлял Линь Цяньжоу видеть кошмары на протяжении нескольких дней.

Да, содержание кошмаров, конечно же, определял Хань Сю.

В последующие дни маленький евнух продолжал упорно молчать, а дело о выкидыше у той знатной дамы оставалось нераскрытым. Линь Цяньжоу, которая раньше была полна уверенности, теперь постепенно теряла самообладание. Раньше, когда Цзю-эр был рядом, он защищал ее, но теперь, оставшись одна, она поняла, что значит «жить в постоянной тревоге»: она действительно не знала, не подложили ли что-то в ее еду или одежду. В эти дни она случайно надела платье, похожее на то, что носила высокопоставленная наложница, и этим нажила себе врагов.

Она безумно скучала по Цзю-эру, переходя от жалоб на то, что он не мог решить даже мелкие проблемы, к страху за то, как ей самой справляться.

Казалось, что ее мысли отражались в снах: ночью ей снилось, что Цзю-эр заперт в тюрьме, мучаясь и едва живой. Да, хотя Цзю-эр вырастил девять хвостов, раны на его теле были настоящими! Ему, должно быть, очень больно! Во сне Цзю-эр стонал от боли, его ясные глаза, казалось, смотрели прямо на нее, беззвучно крича:

«Больно, больно...»

В последующие ночи она продолжала видеть сны, в которых Цзю-эр умирал и больше не возвращался. Она оставалась одна во дворце, живя, как на тонком льду, и в конце концов была убита наложницами, которые ненавидели ее.

Линь Цяньжоу проснулась в ужасе, дрожа в углу кровати. Она никогда раньше не чувствовала такого раскаяния за то, что отправила Цзю-эра на такое опасное задание. Да, Цзю-эр был таким наивным ребенком, несмотря на то, что Линь Цяньжоу сейчас всего пятнадцать лет, она была куда более расчетливой. Не выдал ли он себя, не раскрыли ли его истинную сущность, не пригласили ли высокопоставленного монаха, чтобы наложить на него заклинание? Как он мог защитить себя, зная только о культивации?

Если бы не было Цзю-эра... без него, который всегда знал, что делать...

Хотя сейчас беспокойство Линь Цяньжоу в основном было связано с ее собственным неопределенным будущим, она все же была всего лишь пятнадцатилетней девушкой, только что попавшей во дворец, и еще не стала той железной леди, которой станет позже. Что касается Цзю-эра, демона-кошки, который был с ней почти десять лет, она все же испытывала

к нему сострадание.

А в тюрьме Хань Сю уже с невероятной скоростью адаптировался к жизни культиватора. Возможно, благодаря опыту, полученному в жизни Шэнь Бинхэ, он, хотя и не активировал шаблон «замкнутого гения», был полностью поглощен процессом культивации, который его очень интересовал.

Однако его поведение стало настоящим кошмаром для допрашивавших его офицеров из Северного управления.

Цзян Шуин, глава Северного управления, принимал неприятного гостя — генерала Линь Сюэтана.

Имя генерала Линь Сюэтана было известно всем. Он был единственным сыном, хотя и незаконнорожденным, из семьи Линь, известной своими достижениями в каллиграфии и искусстве. С детства он проявлял необычайные способности, но в пятнадцать лет сбежал из дома, чтобы стать военным. С тех пор он добился многочисленных побед, продвигаясь по службе, и стал знаменитым генералом, который не знал поражений. Он командовал армией империи, неоднократно разбивая вторгшихся иноземцев, и его имя стало легендой.

Сейчас ему было около тридцати, и он достиг вершины власти, получив все возможные титулы. Однако его слава начала беспокоить императора. Хотя Цзян Шуин лично восхищался его героизмом, как глава Северного управления, он понимал, что император начал недоверять Линь Сюэтану. Именно поэтому после последней победы Линь Сюэтана император намекнул на необходимость проверить, не позволил ли генерал врагам уйти.

К сожалению, как только Цзян Шуин начал расследование, Линь Сюэтан опередил его, явившись с визитом и открыто заявив о своих намерениях.

Эти неожиданные действия Линь Сюэтана застали Цзян Шуина врасплох.

В этот момент третий помощник из Северного управления доложил, давая Цзян Шуину передышку:

— Господин, тот человек до сих пор не признался, прошло уже десять дней. Осталось пять дней до срока, данного императором. Нам нужно...

Не дожидаясь ответа Цзян Шуина, Линь Сюэтан с интересом сказал:

— Десять дней пыток, и он все еще не сломлен? Вот это настоящий мужчина! Шуин, о каком герое идет речь, который смог выдержать десять дней заботы твоего Северного управления?

Если бы не подозрения императора, их личные отношения действительно были бы хорошими.

Поскольку это дело никак не было связано с Линь Сюэтаном, Цзян Шуин сам понимал, что генерал никогда бы не совершил того, в чем его подозревал император. Если бы Линь Сюэтан хотел стать императором, он бы давно взял власть, учитывая свое влияние в армии. Поэтому Цзян Шуин ответил прямо:

— Это дело связано с одной из наложниц. Мы выяснили, что маленький евнух был задействован, но после многочисленных допросов он настаивает, что действовал из мести за то, что она его избила, и отказывается назвать заказчика.

Линь Сюэтан улыбнулся:

— Если он так упорствует, может, он действительно это сделал?

Цзян Шуин посмотрел на него с выражением лица, которое явно говорило:

— Ты серьезно?

— Проблема в том, что он сразу же заявил, что действовал из мести, потому что его избили. Если бы после нескольких дней пыток он начал оговаривать других, это еще можно было бы понять, но уже десять дней, и он все еще не признается, это...

— Такое умение либо у хорошо обученного наемника, либо у человека с огромной силой воли!
— Линь Сюэтан становился все более заинтересованным. — Кстати, возможно, у меня есть решение.

Метод Линь Сюэтана был прост: он собирался называть имена подозреваемых, наблюдая за реакцией заключенного, чтобы определить, кто его настоящий хозяин.

— Ты уверен?

— Я команду армией много лет. Если у вас нет таких навыков, то у меня, генерала, который постоянно имеет дело с вражескими шпионами, они точно есть.

Цзян Шуин не видел другого выхода и решил попробовать.

Когда маленького евнуха привели, на нем была чистая тюремная одежда, так как прежняя была изорвана в клочья от пыток. Несмотря на это, новая одежда быстро пропиталась кровью. Старая одежда прилипла к ранам, и когда ее снимали, едва зажившие раны снова раскрылись.

Он был худым, настолько, что казалось, что его тело — это просто кости, едва удерживающие широкую тюремную робу.

Хань Сю, когда ему меняли одежду, понял, что, должно быть, какой-то важный человек пришел лично допрашивать его. Поэтому они и поступили так.

Значит, долгожданное представление начинается.

Он внутренне улыбнулся, выйдя из состояния культивации: теперь начнется самое интересное.

Его привели в просторную комнату, хотя она все еще находилась в холодной тюрьме, вокруг горели факелы. Его привязали к деревянной стойке, перед ним стоял стол, за которым сидели два человека в официальных одеждах. Молодой из них был стройным и изящным, в мундире «летучей рыбы», что сразу указывало на его положение главы Северного управления. Рядом с ним сидел мужчина лет тридцати, невероятно красивый, с глубоким взглядом и внушительной аурой. Почему-то Хань Сю почувствовал странное чувство близости, увидев его.

Линь Сюэтан, увидев его, слегка сузил глаза, на мгновение замер. Хотя это длилось доли секунды, и никто не заметил, но он сам почувствовал странную боль в сердце, увидев этого измученного маленького евнуха.